МЫСЛИ ВСЛУХЪ

на

КРАСНОМЪ КРЫЛЬЦѢ.

Съ дозволенія Санкпипетербургскаго Цензурнаго Комитета.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ типографіи Ивана Глазунова, 1807 года.

ОТЕЧЕСТВУ.

Тебѣ — весь — одному *Тебѣ* принадлежу,
Пока жива душа моя, пока дышу!
Не въ нѣдрѣ ли *Твоемъ*, не на *Твоемъ* ли лонѣ
Увидѣлъ свѣтъ, возросъ, воспитанъ я въ законѣ, —
Въ законѣ праотцевъ, вовѣкъ любезныхъ мнѣ?
Ихъ твердый духъ уже въ превыспренней странѣ;
Но ихъ же прахъ въ *Тебѣ* съ почтеньемъ почиваетъ,
И — ревностна ихъ кровь во мнѣ течетъ, пылаетъ! —
Тебѣ полезнымъ быть, вотъ все, чего ищу!
Кому жь, коль не *Тебѣ*, я трудъ сей посвящу?

Изъ оды . . . .

Москва Сентября 15 дня
1806 года.

МЫСЛИ ВСЛУХЪ.

Ефремовскій дворянинъ, Сила Андрѣевичь Богатыревъ, отставной Подполковникъ, израненной на войнахъ, при выбора Предводитель Дворянскій и Кавалеръ Георгіевскій и Владимирскій — отправился изъ села Зажитова, по случаю Милиціи, въ Тулу, для закупки ружей, и узнавъ о побѣдѣ подъ Прейсишь-Эйлау, проѣхалъ въ Москву для развѣданія о двухъ сыновьяхъ, братѣ и племянникѣ, кои служатъ на войнѣ. Отпѣвъ молебенъ за здравіе ГОСУДАРЯ, отстоявъ набожно обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ, по выходѣ, въ прекрасной день, сѣлъ на Красномъ Крыльцѣ для отдохновенія, и преисполненъ бывъ великими произшествіями славою Россіи и своими замѣчаніями, положа локти на колѣна, поддерживая сѣдую голову руками, сталъ думать вслухъ такъ:

Господи помилуй! Да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву, и плюнувъ сказать Французу: згинь ты дьявольское навожденіе! ступай въ адъ, или восвояси — всё равно; только не будь на Руси.

Господи помилуй! Уже ли ли Богъ Русь на то создалъ, чтобъ она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей кормилицѣ и спасибо никто не скажетъ; её жь бранятъ всѣ, не наживотъ, а на смерть. Пріѣдетъ Французъ съ висѣлицы — всѣ его наперехватъ; а онъ еще и ломается, говоритъ: либо Принцъ, либо богачь, за вѣру и вѣрность пострадалъ; а онъ — собака холопъ, либо купчишка, либо подъячій, либо попъ разстрига, отъ страха убѣжалъ изъ своей земли. Поманерит-

ся недѣли — двѣ, да и пустится — либо въ торгъ либо въ воспитаніе; а самъ и грамотѣ-та плохо знаетъ.

Господи помилуй! Да какъ же предки наши жили безъ Французскаго языка? а служили вѣрою и правдою Государю и Отечеству; не жалѣли крови своей, оставляли дѣтямъ въ наслѣдство имя честное, и помнили заповѣди Господни и присягу свою; за то имъ слава и Царство Небесное!

Господи помилуй! Чему дѣтей нынѣча учатъ? — выговаривать чисто по Французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тотъ и умёнъ и хорошъ, котораго Французъ за своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и Руской языкъ плохо знаютъ? какъ имъ стоять за Вѣру, за Царя и Отечество, когда они Закону Божіему не учены, и когда Рускихъ считаютъ за медвѣдей? Мозгъ у нихъ въ пупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа въ языкѣ; и понять не льзя, что врутъ и что дѣлаютъ! всему свое названье: Богъ-помочь *бонжуръ*; отецъ *монсьё*; старуха — мать *маманъ*; холопъ *монамъ*; мошна *ридикюль*; сущіе дѣти и духомъ и тѣломъ — такъ и состарѣются!

Господи помилуй! Только и видишь что молодёжь, одѣтую, обутую по Французски, и словомъ и дѣломъ и помышленіемъ Французскую! Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а Царство Небесное — Парижъ. Родителей не уважаютъ, стариковъ презираютъ; и бывъ ничто, хотятъ быть всё. Завелись филантропы и мизантропы: филантропы любятъ людей, а разоряютъ мужичковъ; мизантропы — отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодыя сошли съ ума; всё стало каша кашей! — бѣгутъ замужъ за Французовъ и гнушаются Рускими; одѣты какъ мать наша Евва въ раю: сущія вывѣски торговой бани, либо мяснова ряду! Охъ тяжело! — дай Боже сто лѣтъ здравствовать ГОСУДАРЮ Нашему! — а жаль дубины

ПЕТРА Великаго! Взять бы ее хоть на недѣльку изъ Кунсткамеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дуръ. . . Господи помилуй, согрѣшилъ грѣшный!

Господи помилуй! Всё по Французски, всё на ихъ манеръ! пора уняться! чево лучше быть Рускимъ? Не стыдно нигдѣ показаться: ходи носъ вверьхъ; есть что поразсказать; а слушать иной хоть не радъ, да готовъ! — Вить что за люди къ намъ ѣздятъ, и кому дѣтей своихъ ввѣряемъ? Того и смотримъ, чтобъ хорошо выговаривалъ, а впрочемъ хоть иконы обдери. Ей Богу стыдъ! во всѣхъ земляхъ по Французски учатся, но для того, чтобъ умѣть писать, читать и говорить внятно. Ну, не смѣшно ли нашему дворянину покажется, естьлибъ Руской языкъ въ такой модѣ былъ и въ иныхъ земляхъ, какъ у насъ Французской; и естьлибъ псарь Климка, поваръ Абрашка, холопъ Вавилка, прачка Грушка и непотребная дѣвка Лушка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброму! А вотъ, съ позволенья сказать, это-то у насъ лѣтъ уже тридцать какъ завелось, и по нещастію не выводится. Дожить Ей-Богу до бѣды!

Господи помилуй! Да чего отцамъ и матерямъ хочется? Чего у насъ нѣтъ? всё есть, или быть можетъ: Государь — милосердый; дворянство — щедрое; купечество — богатое; народъ — трудолюбивый, Россія извѣстна лѣтъ съ полтораста: Дакакіе въ ней великіе люди были и есть! Воины — Шуйской, Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ, Румянцовъ, Орловъ, Суворовъ; Спасители Отечества — Пожарской, Мининъ; Москвы — Еропкинъ; Главы Духовенства — Филаретъ, Гермогенъ, Прокоповичь, Платонъ; Министры — Панинъ, Шаховской; Писатели — Ломоносовъ, Сумароковъ, Богдановичь, Херасковъ, Державинъ, Нелединской, Дмитріевъ. — Всѣ они знали и знаютъ Французской языкъ, но никто изъ нихъ не старался знать его лучше Рускаго.

Господи помилуй! Мало этова! вотъ еще вамъ: слушайте что такое Русь! Государь пожелалъ Милиціи, и явилась! да какаяжь? не двадцать тысячъ, не пятьдесятъ: не осудите, шесть сотъ двѣнадцать! — одѣта, обута, снаряжена и вооружена; а кто начальники? кто чиновники? Рускіе дворяне, вѣрные слуги Государскіе, вѣрные сыны Отечества, съ грудью гордою, съ рукою сильною: потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили вѣрою и правдою подъ Казанью, подъ Полтавою, подъ каменной-Москвой; — милiоны посыпались, всѣ вооружилися, и отъ Ледянаго моря до Чернаго, отъ сердца и души закричали: всѣ готовы, идемъ и побьемъ!

Господи помилуй! Да что за народъ эти Французы? копейки не стоютъ, смотрѣть не на что, говорить не о чемъ! врётъ чепуху; ни стыда ни совѣсти нѣтъ; языкомъ пыль пускаетъ, а руками всё забираетъ. За котораго ни примись, либо Философъ, либо Римлянинъ, а все наровитъ въ карманъ; — трусливъ какъ заяцъ, шаллливъ какъ кошка. Хоть немного дай воли, тотчасъ и напроказитъ! Да вотъ то бѣда, что наша молодёжь читаетъ Фоблаза, а не Исторію; а то бы увидѣла, что во Французской всякой головѣ, вѣтреная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ! На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники; два лишь правила у нихъ: *Всё хорошо, лишь бы удалось; что можно взять, то должно прибрать.* Хоть немного по шерсти погладятъ, то и бунтъ. Вить что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! всё истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили! Законъ попрали, Начальство уничтожили, Храмы осквернили, Царя казнили; да какого Царя? — Отца! Головы рубили какъ капусту, всѣ повелѣвали, то тотъ, то другой. Злодѣи! думали, что будетъ равенство и свобода; а никто не смѣлъ и рта

разинуть, ни носу показать—и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленья: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть; опрокинулись къ сосѣдямъ, и почали грабить и душить Нѣмцовъ и Венгерцевъ, Италіанцевъ и Голландцевъ, Гишпанцевъ и Швейцарцевъ, приговаривая: *послѣ спасибо скажете!* А тамъ явился Бонапарте, ушолъ изъ Египта, шикнулъ, и всё замолчало; погналъ Сенатъ взашей, забралъ всё въ руки, запрягъ военныхъ, статскихъ и духовныхъ, и сталъ погонять по всѣмъ по тріомъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ кричать: шабашъ республика! давай Бонапарта короновать! А ему то и настать; вотъ онъ и сталъ глава Французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, то есть: плакать и кряхтѣть; а онъ какъ угорѣлая кошка и пошелъ метаться изъ угла въ уголъ, и до сихъ поръ въ чаду. Чему дивовать! жарко натопили, да скоро закрыли; революція пожаръ, Французы головешки, а Бонапарте кочерга. Вотъ отъ того-то и выкинуло изъ трубы; онъ и пошолъ драть: Италію разграбилъ, двухъ Королей на острова отправилъ, Цесарцевъ обдулъ, Прусаковъ донага раздѣлъ и разулъ; а все мало! Весь міръ захотѣлъ покорить. Что за Александръ Македонскій!! мужичишка въ рекруты негодится, ни кожи ни рожи, ни видѣнья; разъ ударить, такъ и слѣдъ простылъ и духъ вонъ; а онъ таки лезетъ впередъ — да ужъ и на Рускихъ! ну, милости просимъ! лишь перешолъ за Вислу, и стали бубнового короля катать; — подъ Пултускомъ по щекѣ — сталъ покашливать; подъ Эйлау по другой — и свѣту Божьева не взвидѣлъ; думалъ потѣшными своими удивить, а наши армейскіе такъ ихъ потѣшили, что только образцовыхъ пустили живыхъ. —

Слава тебѣ Россійское побѣдоносное Христіанское воинство! честь ГОСУДАРЮ Нашему и матушкѣ Россіи! слава тебѣ храбрый Бенигсенъ! слава вамъ герои Россійскіе: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Дохтуровъ, Волконской, Долгорукой! вѣчная память — юноша храбрый Голицынъ: молодые у тебя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики вздохнутъ не разъ, раздѣлятъ печаль тяжкую съ отцемъ твоимъ и матерью, и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о нещастной судьбѣ твоей. Радуйся Царство Руское! всемірный врагъ предъ тобою уклоняется, богатырскою твоею силою истребляется; онъ пришелъ какъ алчный левъ, хотѣлъ всѣ пожрать; теперь бѣжитъ какъ голодный волкъ — только озирается и зубами пощелкиваетъ; не щади звѣря люта́го, тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ и конецъ. Ура, Русскіе!! вы одни молодцы; побѣда предъ вами, Богъ съ вами, Россія за вами. —

За симъ Сила Андрѣевичь возвелъ съ восторгомъ глаза къ Небу; слезы покатились изъ нихъ на землю и смѣшались въ ней съ слезами радости и печали пролитыми, въ теченіи двухъ вѣковъ на мѣстѣ семъ, сынами Отечества; потомъ онъ всталъ, посмотрѣлъ на Кремль, вынулъ табакерку съ Полтавскою медалью, перекрестился и пошелъ въ Спаскіе ворота домой. — Миръ съ тобою, Сила Андрѣевичь! многія лѣта тебѣ здравствовать.

Примѣчаніе: Естьли Читателю не понравятся нѣкоторыя жоскія выраженія Силы Андрѣевича, то да проститъ ему оныя, уваживъ горячее чувство и любовь его къ Отечеству, искони славившемуся гостепріимствомъ, вѣротерпѣніемъ и покровительствомъ гонимыхъ за честность и правду.

Издат.